

Дихотомия «Европа – Россия» как изобретенная традиция современного грузинского национализма

Максим Валерьевич Кирчанов, Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия

Адрес для связи: maksymkyrchanoff@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует особенности интеллектуальной и идеологической легитимации европейской политики современных элит Грузии. Предполагается, что интеллектуалы являются основными вдохновителями и инициаторами формирования и развития европейского измерения в грузинской национальной идентичности. Автор анализирует трансформацию дихотомии «Европа – Россия» в современном грузинском интеллектуальном дискурсе. Анализируются стратегии и формы позитивной и негативной идеологизации Запада и России. Показана зависимость интеллектуалов как от политического класса, так и от актуальной идеологической конъюнктуры и ситуации. Автор полагает, что гипертрофированная роль европейских и российских образов в грузинском националистическом дискурсе и политическом воображении стала следствием веры элит и интеллектуалов в коллективный Запад как альтернативу российскому влиянию. Автор анализирует основные стратегии формирования положительного образа Европы в грузинском интеллектуальном дискурсе, полагая, что развитие европейских мотивов и образов несколькими поколениями грузинских интеллектуалов привело к возникновению уникального грузинского европеизма и концепта грузинской нации как «нетипичных европейцев». Развитие европейских образов зависит от формирования и продвижения образа России как универсального Другого. Предполагается, что негативная мифологизация России стала результатом исторической травмы: утраты государственности, вынужденной истории Грузии в Российской империи и СССР, а также неудачами в российско-грузинской внешнеполитической конкуренции в постсоветский период. В целом автор полагает, что российские и европейские нарративы стали изобретенными традициями грузинской идентичности, которые влияют на стратегии элит во внешней политике Грузии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Грузия, национализм, идентичность, «атипичная европейскость»,
политическое воображение, Запад, Россия*

Современная грузинская государственность в качестве своего внешнеполитического приоритета декларирует европейскую интеграцию и участие страны в евро-атлантическом сотрудничестве. К 2020 г. достижения Грузии в европейской политике выглядят следующим образом: Грузия подписала соглашение об ассоциации с Евросоюзом, страна принимает участие в ряде программ ЕС, включая Европейскую политику соседства, Евроконтроль и транспортный коридор «Европа – Кавказ – Азия», с 28 марта 2017 г. установлен безвизовый режим с ЕС. Необходимость европейской интеграции в большей или меньшей степени присутствует в политическом дискурсе Грузии начиная с пребывания у власти М. Саакашвили, что сочетается с формированием и продвижением негативного образа России, но подобная политика имеет свои интеллектуальные и культурные основания.

Целью данной статьи является анализ интеллектуальной легитимации внешней политики Грузии в контекстах формирования интеллектуальной дихотомии «Я (Свой, *Self*) / Другой (Other)», или «Европа – Россия», в современном культурном дискурсе. Легитимация проевропейского выбора на актуальном этапе развития грузинской государственности проявляется как в продвижении европейского выбора, так и в делегитимации России и формировании ее негативного образа, что существенно осложняет смену или корректировку внешнеполитических приоритетов Грузии.

Методологически автор опирается на классический концепт постмодернистской историографии, представленный, с одной стороны, теорией изобретения традиций. Изобретение традиций в этой статье интерпретируется в расширенном значении – не только как изобретение и политически мотивированное воспроизводство элементов той или иной идентичности, но и как продвижение определенных «изобретенных» интеллектуалами образов. В контекстах темы статьи такими образами являются Россия и Европа в современном грузинском националистическом дискурсе. С другой стороны, анализируя в статье проявления грузинского национализма в контексте изобретения образов России и Европы как *инаковости* и *самости*, автор полагает, что грузинский случай уникален только конкретным содержанием текстов интеллектуалов, в то время как сам механизм формирования таких образов, их генезис, зависимость от политической и идеологической конъюнктуры типичны и серийны. Кроме этого, автор признает и то, что представленная статья в определенной степени носит характер ревизии сложившейся историографической практики в изучении современной грузинской интеллектуальной ситуации. Текст написан преимущественно на основе грузинского материала, изучаемые тенденции и тренды в развитии интеллектуального сообщества воспринимаются как конструкты и изобретенные традиции, а сама интеграция проблематики в контекст имеющейся научной литературы по теме и вовсе основана на оторванности от грузинской национальной почвы и переносе в текст центрально- и восточноевропейского историографического контекста. В 2003 г. Дж. МакФерсон, бывший тогда президентом Американской исторической ассоциации, подчеркивал, что

«ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог

между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счёт лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой»¹.

Поэтому автор полагает, что изучение концептов европейскости как *самости* и российских образов как *инаковости* в современной грузинской интеллектуальной традиции в рамках именно ревизионистского подхода может оказаться продуктивным и результативным.

Вопросы развития образов России и Европы как *инаковости* и *самости* в современной грузинской интеллектуальной культуре в международной историографии изучены крайне неравномерно. Зарубежными исследователями данная проблематика воспринимается различным образом, а интерпретации варьируются от «европеизации»² закавказских культурных и интеллектуальных практик и их локализации в контекстах гибридности³ до проекции идентичности на внешнюю политику⁴ и манипуляции с исторической памятью⁵ ради консолидации сообщества на внешнеполитической арене⁶, хотя в некоторых случаях проблемы репрезентативности концептов *самости* и *инаковости* редуцируются до конъюнктурных сюжетов, связанных с исторической политикой и «войнами памяти»⁷. Кроме этого, грузинские сюжеты оказываются жертвой склонности к сравнительным штудиям, что, конечно, интересно, но снижает роль картвельской специфики, придавая несколько искусственный и отчасти надуманный характер сравнительным историко-политическим параллелям, например, с соседней Арменией⁸.

В научной отечественной литературе доминирует склонность редуцировать проблему до практико-ориентированных сюжетов. Поэтому вместо концептов самости и/или инаковости анализируются проблемы европейской политики Грузии, но большинство работ, сфокусированных на этом вопросе, касаются внешнеполитической или экономической конкретики, в то время как механизмы легитимации и обоснования европейской политики и формирования негативного образа России остаются в тени. Подобная историографическая ситуация стала следствием одновременного воздействия ряда факторов. С одной стороны, прослеживается влияние политической и идеологической конъюнктуры, которая

1 McPherson 2003, 1.

2 Chitaladze, Grigoryan 2015; Tsuladze 2017.

3 Kabachnik 2018.

4 Ó Beacháin, Coene 2014.

5 Kovtiak 2018.

6 Metreveli 2016.

7 Martínez 2017.

8 Shatirishvili 2009; Delcour 2019.

вынуждает исследователей изучать, казалось бы, актуальные и злободневные внешнеполитические шаги грузинских элит в европейском направлении¹.

С другой – на пути анализа интеллектуальной легитимации европейского выбора грузинских элит существует препятствие, связанное с особенностями источниковой базы: практически все тексты, которые в той или иной степени легитимируют европейский выбор, формируя негативный образ российской альтернативы, написаны на грузинском языке. Кроме этого, следует упомянуть еще один фактор: большинство российских работ по грузинской проблематике написаны на основе вторичных источников на русском или других европейских языках. Работ, посвященных Грузии и написанных российскими авторами с использованием оригинальных источников, к сожалению, не так много². Число исследований о грузинском интеллектуальном сообществе и его политической роли также не столь велико³. Дефицит в определенной степени восполняется текстами грузинских исследователей, если они изданы на английском⁴ или русском языке. Кроме этого, существует значительная грузинская историография, сфокусированная на анализе как национализма в Грузии⁵, так и его роли в политических процессах⁶, развитии интеллектуального грузинского дискурса⁷, воображении сообществ⁸ и изобретении традиций⁹. В этой ситуации отечественная историография современной Грузии в определенной степени зависима от мнений и суждений грузинских коллег, спорадически транслирующих точку зрения того интеллектуального сообщества, к которому они принадлежат. Вышеперечисленные историографические факторы, по мнению автора, придают особую актуальность изучению интеллектуальных легитимаций европейского выбора политического класса современной Грузии.

«Европа – Россия» как универсальная дихотомия грузинского националистического воображения

Восприятие как России, так и Европы в грузинской политической и культурной идентичности зависит от целого ряда факторов, важнейшими из которых, вероятно, следует признать гетерогенность, множественность и расщепленность грузинского политического дискурса. Т. Берекашвили полагает, что развитие любой национальной, гендерной, культурной или социальной идентичности практически всегда предусматривает как образование, так и «трансценденцию, или формирование Другого»¹⁰ в силу того, что для нормального функционирования нации как «воображенного сообщества» со своими

1 Айвазян 2020; Айвазян 2016; Болгова 2016.

2 Kirchanov 2010.

3 Kyrchanoff 2020; Кирчанов 2020.

4 Sikharulidze 2020; Сихарулидзе 2019.

5 დავითაშვილი 2003; ქარელი 2009.

6 კოპიტერსის, ლეგვოლდის 2006.

7 მაღლაფერიძე 2005.

8 კაკიტელაშვილი 2012; ჩხაიძე 2009.

9 "European Responsibility. Presentation at the International Symposium on European Cultural Identity. Paris, January 1988," Merab Mamardashvili, accessed April 20, 2021, <https://mamardashvili.com/archive/interviews/responsibility-en.html>; შუბიითიძე 2013.

10 "თამარ ბერეკაშვილი – იდენტობის პრობლემა თანამედროვე სამყაროში (The Problem of Identity in the Modern World)," Semiotics, December 12, 2012, accessed January 15, 2021, <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/12/12/თამარ-ბერეკაშვილი-იდენტობა-2/>.

«изобретенными традициями» самоидентификация не может происходить без очертания границ *инаковости*.

Формирование образов *Другого* в современной грузинской идентичности характеризуется рядом особенностей. Грузинскими интеллектуалами «история всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний», в том числе и для продвижения концептов *инаковости*, что автоматически превращало историю в часть проектов по собственной легитимации. Поэтому «крайняя политизация историографии, монополизация историографического производства, высокая степень политизации исторических дебатов и историческое мифотворчество»¹ стали характерными особенностями интеллектуального климата в Грузии, хотя оригинально были предложены для описания интеллектуальной ситуации в других постсоветских государствах.

Поэтому осознание того факта, что исторически «Грузия когда-то была великой»² или даже «объединяла весь Кавказ, имела те функции и вес в мире, которые сейчас имеют Соединенные Штаты»³ (по мнению сторонников более радикальной национальной ревизии истории), постоянно стимулирует грузинских интеллектуалов размышлять и о роли России, которая в грузинском националистическом воображении современного этапа претендует на статус универсального *Другого*. Фактор русского влияния, символом которого в ряде случаев позиционируется, например, В. Маяковский⁴, превратившийся в персонифицированное место памяти грузинской идентичности⁵, признается большинством грузинских интеллектуалов, если они, конечно, пребывают в рамках академического дискурса⁶.

С одной стороны, часть грузинских интеллектуалов склонна воспринимать русскую культуру как региональную версию европейской, но отягощенной негативным историческим опытом. Поэтому отсылки к наследию К. Малевича⁷, В. Брюсова и А. Белого⁸ или цитаты С. Аверинцева и О. Седаковой⁹ в современном интеллектуальном грузинском дискурсе вполне нормальны, но, вероятно, в ближайшей хронологической перспективе они исчезнут, так как более активным становится новое поколение интеллектуалов, которые знают европейские языки (и поэтому в большей степени склонны ориентироваться на западные

1 Кушко, Таки 2003.

2 «ერთი ხალხის ორი ისტორია (Two stories of one people),» Radio Liberty, May 28, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/one-people-two-history/29255623.html>.

3 ს. მასხარაშვილი «დიდქვაბშიარეტოდა, პატარაშისულარიყო – ქართველიერი (S. Maskharashvili, "It Did Not Fit In a Big Cauldron, It Did Not Fit In a Small One – The Georgian Nation"),» Intermedia, accessed January 15, 2021, <http://intermedia.ge/123510-დიდ-ქვაბში-არ-ეტოდა-პატარაში-სულ-არ-იყო-ქართველი-ერი/2/>.

4 გ. ფირცხალაიშვილი, «ცოტნცხვედიანის 'მაიაკოვსკისთეატრი' (T. Tskhvediani, "Mayakovsky Theater"),» Arili, October 22, 2017, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/გიორგი-ფირცხალაიშვილი-ც/>.

5 ი. ურუშაძე, «ლიტერატურული დასვენება და მაიაკოვსკის თეატრი (I. Urushadze, "Literary Recreation and Mayakovsky Theater"),» demo.ge, May 17, 2017, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1363>.

6 ა. კუპრეიშვილი, «რუსული ფორმალისზმისა და ფუტურისტული ესთეტიკის მიმართების საკითხი (A. Kupreishvili, "The Issue of the Relation Between Russian Formalism And Futuristic Aesthetics"),» demo.ge, November 15, 2019, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1719>.

7 ლ. კუჭუხიძე, «ჩვენი დროის ნიშანი: 140 წლის აღსანიშნავად (L. Kuchukhidze, "Icon of our Time: To The 140th Anniversary Of Malevich's Birth"),» demo.ge, March 15, 2020, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1497>.

8 ა. კუპრეიშვილი, «რუსული ფორმალისზმისა და ფუტურისტული ესთეტიკის მიმართების საკითხი (A. Kupreishvili, "The Issue Of The Relation Between Russian Formalism And Futuristic Aesthetics"),» demo.ge, November 15, 2019, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1719>.

9 ლ. კუჭუხიძე, «თანამედროვეობა როგორც ჰერმეტიულობა (L. Kuchukhidze, "Modernity as Hermeticity"),» demo.ge, January 16, 2020, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1729>.

культурные образцы и модели¹), но не владеют русским, что автоматически отсекает европеизированный сегмент русской культуры от грузинской интеллектуальной традиции².

С другой – целый ряд авторов (и таких в современной Грузии, вероятно, большинство) склонен оценивать его негативно в категориях противостояния грузинской идентичности как западной и русской как восточной, подчеркивая³, что

«стремление грузин к западной цивилизации началось в начале XX века [...] сразу, как только Грузии был предоставлен свободный выбор, она начала формировать европейско-демократическое государство. Резким выражением европейского выбора Грузии было то, что здесь, в отличие от России, доминирующей силой была не азиатско-деспотическая разновидность социализма – большевизм, а социал-демократия европейского типа. Грузинская культура, художественное или теоретическое мышление начала XX века явно были европоцентричны, даже если они критически воспринимали Европу и Запад».

Россия как универсальный Другой в мышлении грузинских интеллектуалов

Россия исторически воспринимается как постоянная угроза и источник проблем для грузинской нации и государственности – от «этнических чисток»⁴ до угрозы независимости, – а претензии со стороны интеллектуалов Грузии к России разнообразны и варьируются от обвинения в ликвидации грузинской государственности в XIX в. до попыток недопущения реализации проекта независимой грузинской государственности в 1990-е гг. и ее экономического подавления⁵. Несколько стимулов содействуют формированию, развитию и продвижению негативного образа России, а именно: поддержка Россией сепаратистов в 1990-е гг., военный конфликт 2008 г. и последующее признание со стороны РФ независимости Абхазии и Южной Осетии, а также вмешательство в конфликт на Украине в 2014 г. Поэтому некоторые авторы последовательны в критике России и сравнивают ее политику в Крыму в 2014 г. с тем, что Германия делала в 1938 г. в Су-

1 დ. გალაშვილი, "სარტრისეზისტენციალიზმი (D. Galashvili, "Sartre's Existentialism")," demo.ge, July 19, 2019, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1693>.

2 На такие тенденции указывают и сами грузинские авторы (Shatirishvili 2003), констатирующие смену поколений интеллектуалов: если советские грузинские интеллигенты знали русский и немецкий, то для многих современных интеллектуалов единственным иностранным языком является английский.

3 თ. ვასაძე, "თამაზ ვასაძე – დასავლური პრინციპების იმედით (T. Vasadze, "Hoping for Western Principles")," Arili, May 4, 2018, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/თამაზ-ვასაძე-დასავლური-პ/>.

4 "ოთარკახიძეგადატემაში – რეაქცია (Otar Kakhidze in the program – Reaction)," European Georgia – Movement for Freedom, May 24, 2018, accessed January 15, 2021, <http://europeangeorgia.ge/news/otar-kakhidze-gadatsemashi-reaktsia>.

5 "22 წლის ლარის 20 წლის იუბილე (20th Anniversary of 22 GEL)," Information-Analytical Agency "Iverion," September 28, 2015, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/13978-22-tslis-laris-20-tslis-iubile.html>.

детах¹. Л. Латария и вовсе определяет события 2014 г. как «российский ремейк Судетского кризиса»². Другие авторы также склонны актуализировать именно агрессивные амбиции России, воспринимая ее как «страну, которая убивает критически мыслящих журналистов и сажает в тюрьму политических противников»³, сравнивая ее, с одной стороны, с «плотоядным животным, которое использует ситуацию и расширяет границы во время пандемии», а с другой – «чумой, которая беспокоит нас, грузин, много лет»⁴.

Для грузинской интеллектуальной традиции на современном этапе ее развития характерно устойчивое противопоставление России и Европы. Последняя, по мнению грузинских авторов, олицетворяет собой правильные политические ценности и культурные принципы, которые отличают ее от России. Н. Миханашвили, например, полагает, что европейский выбор грузин не имеет материального измерения, но мотивирован преимущественно желанием осознать европейские ценности как свои: «солидарности, толерантного общества, высокой ответственности, сохранения национальной памяти, чувства преемственности и, как следствие, возрождение лучших ценностей грузин»⁵. Тем самым, они являются проявлением европейской политической ориентации Грузии.

В продвижении именно такой точки зрения принимают активное участие не только светские, но и религиозные деятели Грузии. Например, дьякон И. Чигладзе суммирует исторические претензии со стороны грузин к России следующим образом: ответственность за нападения Ирана на Грузию в конце XVIII в. несет именно Российская империя, так как пророссийская ориентация элит обострила отношения с персами. Россия, по мнению И. Чигладзе, «не выполнила свои обязательства по защите Грузии во время военного вторжения мусульман, и из-за России пал Тбилиси... была подорвана мощь и сила Картли-Кахети, что привело к ее аннексии Россией в 1801 г., завоеванию Грузии и свержению с престола династии Багратиони»⁶. В целом исторические претензии сводятся как к аннексии Грузии, так и разрушению ее церкви как института.

Грузинскими интеллектуалами регулярно подчеркивается, что «в эпоху падения коммунизма и, казалось бы, всеобщего осуждения имперских устремлений» внешняя и внутренняя политика России продолжает оставаться имперской, а ее «некоторые симптомы продолжают вызывать беспокойство»⁷, в первую очередь

1 "ყირიმის კრიზისის შედარება სუდეტის კრიზისთან (Comparison of the Crimean Crisis with the Sudeten Crisis)," Web portal "Intermedia," July 25, 2014, accessed January 15, 2021, <http://intermedia.ge/52976-ყირიმის-კრიზისის-შედარება-სუდეტის-კრიზისთან/>.

2 Ibid.

3 "სერგია კანაძის სპეჩი სპარლამენტში (Sergi Kapanadze's Speech at the Parliamentary Session)," European Georgia – Movement for Freedom, May 30, 2018, accessed January 15, 2021, <http://europeangeorgia.ge/news/sergi-kapanadzis-gamosvla-saparlamento-sesiaze-0>.

4 "რასპუტინი, როგორც რუსეთის სახე (Rasputin as the Face of Russia)," Web portal "Intermedia," April 16, 2016, accessed January 15, 2021, <http://intermedia.ge/126922-რასპუტინი-როგორც-რუსეთის-სახე/>.

5 "ილია ჭავჭავაძეიდან თანამედროვე უღირსებო და უეროვნებო ჩინოვნიკებამდე! (From Ilia Chavchavadze To Modern Unworthy And Ungodly Officials)," Information-Analytical Agency "Iverion," accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/13503-ilia-tcavtcavadzedan-thanamedrove-ughirsebo-da-uervnebo-chinovnikebamde.html>.

6 "გულდაწყვეტილმა მოვუსმინე ჩემს ყოფილ მასწავლებელს მიტროპოლიტ იოანეს, რომელსაც ჰგონია, რომ რუსებმა ტაძრები აღგვიდგინეს (I Was Heartbroken, Listening To My Former Teacher, Metropolitan Ioane, Who Thinks That The Russians Have Rebuilt Our Temples)," News-Analytical Agency timer.ge, November 20, 2019, accessed January 15, 2021, <https://www.timer.ge/guldatskhvetilma-movusmine-chems-khopil-mastsavlebel-mitropolit-ioanesromelsac-hgoniarom-rusebma-tadzrebi-aghgvidgines/>.

7 "მოლოტოვ-რიბენტროპის პაქტი: რას გვასწავლის 'ტირანთა ერთსულოვნება?' (The Molotov-Ribbentrop Pact: What Does The 'Unanimity Of Tyrants' Teach Us?)," Liberal, August 27, 2019, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/articles/view/46036/molotovribentropis-paqti-ras-gvastavilis-tiranta-ertsulovneba>.

те, которые связаны с ростом российского влияния на постсоветском пространстве, хотя грузинские СМИ в ряде случаев склонны себя успокаивать тем, что в Грузии невозможна аннексия части территорий Россией, указывая на культурные и языковые отличия грузин от россиян¹. В целом подобные нарративы, актуализирующие военный конфликт 2008 г., служат как укреплению грузинской политической идентичности, так и формированию негативного образа России как универсального *Другого*, чья *инаковость* проявляется не только в культуре и языке, но и в склонности к применению некоторых авторитарных политических методов, которые, по мнению грузинских интеллектуалов, являются недопустимыми.

Если русская классическая литература и эксперименты советских футуристов и модернистов в какой-то степени могут быть интегрированы в культурные пространства Грузии и не вызывают значительного отторжения, то политика России в отношении грузинского государства воспринимается исключительно негативно. Г. Тигинашвили-Ивриспирели еще в первой половине 2010-х гг. указывал на постоянные угрозы, исходящие, по его мнению, от России². В этой ситуации грузинскими интеллектуалами была осознана необходимость последовательного ослабления русского / российского влияния, чему и была подчинена логика как развития, так и функционирования интеллектуального сообщества во второй половине 2000-х гг., что способствовало его консолидации.

Кроме этого, интеллектуалы «как авторы исторического нарратива “изобретают” традиции, на которых и возникают коллективные идентичности и национальные сообщества»³. Грузинский случай современного развития интеллектуального сообщества не является исключением, хотя некоторые авторы столь активны в попытках деконструкции истории, что проводят параллели с бодрийеровскими идеями об имитационной сущности общества потребления⁴. Поэтому грузинские интеллектуалы не только склонны конструировать образ России как псевдodemократии, где выборы стали формой политического карнавала⁵, но и обвиняют ее во вмешательстве во внутренние дела Запада, ослаблении либерализма и спонсировании крайних правых⁶, продвижении пророссийских политиков, определяемых, в соответствии с еще ленинской формулой, как «полезные идиоты», прикрывающихся маской православного интернационала⁷, который, по мнению ряда грузинских авторов⁸, Россия использует наравне с поддержкой

1 “მატვეი განაპოლსკი: საქართველოში ბევრია ის, ვინც ქვეყნის დამოუკიდებლობას დაიცავს (There Are Many People In Georgia Who Will Protect The Country's Independence),” Information-Analytical Agency timer.ge, June 22, 2019, accessed January 15, 2021, <https://www.timer.ge/matvei-ganapolski-saqarthveloshi-bevria-is-vinc-qvekhnis-damoukideblobas-daicavs/>.

2 “გიორგი ტიგინაშვილი: – ‘ისტერიული რუსოფილია საქართველოში’ (Hysterical Russophilia in Georgia),” News-Analytical Agency “Iverion,” August 30, 2014, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/6755-giorgi-tiginashvili-isteriuli-rusofilia-saqarthveloshi.html>.

3 Сагановіч 2010.

4 “ელიზბარ ელიზბარაშვილი – ისტორიის გზის დასასრული ჟან ბოდრიარის ფილოსოფიის პოსტმოდერნულ ‘შავ ზვრულში’ (The End Of The Path of History In The Postmodern ‘Black Hole’ Of Jean Baudrillard Philosophy),” Semiotics, November 12, 2013, accessed January 15, 2021, https://semioticsjournal.wordpress.com/2013/11/12/ელიზბარ-ელიზბარაშვილი-_-ი/.

5 “‘ერთიანი რუსეთის’ Fake-დემოკრატია (Fake Democracy of “United Russia”),” Liberal, September 11, 2019, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/articles/view/46133/ertiani-rusetis-Fakedemokratia>.

6 “‘კაცობა’ და იდენტობის ისტერია (Humanity and Identity Hysteria),” Radio Liberty, May 25, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/29251014.html>.

7 “პუტინის სასარგებლო იდიოტები (Putin's Useful Idiots),” Radio Liberty, September 5, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/სასარგებლო-იდიოტები/29473638.html>.

8 “ავსტრიული სკანდალი – ევროპაში რუსული გავლენის დასასრული? (Austrian Scandal – The End Of Russian Influence In Europe?),” Liberal, May 21, 2019, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/articles/view/45244/avstriuli-skandali--evropashi-rusuli-gavlenis-dasasruli>.

ваемым ею же интернационалом правых и националистических экстремистов¹ ради реализации своих «империалистических устремлений»². Поэтому в грузинском интеллектуальном дискурсе активно продвигается образ России как страны, несущей ответственность за рост правого экстремизма в Европе.

Формирование и функционирование российских образов в современном воображении грузинских интеллектуалов явно противостоит тому, что определяется как «европейский выбор Грузии»³, и уверенности в «европейском будущем Грузии»⁴. «Родовые травмы», полученные в результате распада СССР, особенно повлияли на восприятие России грузинами. Поэтому «доминирование своеобразного этноцентризма» и «концептуальные изъяны историографии»⁵ влияют на основные векторы развития русских образов в современном грузинском интеллектуальном дискурсе.

Антироссийские настроения среди грузинских интеллектуалов, некоторые из которых и в настоящее время придерживаются мнения, что Россия в своей внешней политике стремится к сохранению в отношении постсоветского пространства «советских оков»⁶, возникли в начале XX в., став одним из последствий советизации Грузии, а события 1990-х гг. только убедили их в той мысли, что Россия является фактором дестабилизации. Поэтому предположения, что Россия, ставшая для некоторых грузинских авторов универсальным *Другим*, «оккупировала» Абхазию и Цхинвальский регион⁷, успели стать общим местом.

Как грузинские интеллектуалы конструируют «свою» Европу

Современное интеллектуальное сообщество в Грузии в определенной степени гетерогенно. Поэтому грузинские интеллектуалы, как и их коллеги в других странах, зависят от политической конъюнктуры⁸. Несмотря на это, существует ряд тем, которые стали фактически индикатором для проверки лояльности интеллектуалов той версии национализма, который возник в постсоветской Грузии. Среди таких тем особое место занимает Европа, воображаемая как универсальный ориентир. Для современного интеллектуального грузинского дискурса характерны следующие бинарные оппозиции: независимость / зависимость, государственность / оккупация Россией, Запад / не-Запад, символом которого вновь выступает Российская Федерация. Так, Л. Гаприндашвили пишет о «двух-

1 "ნაციონალისტური ინტერნაციონალის მორიგი კრაზი (Another Crash of Putin's "Nationalist International)," Radio Liberty, July 11, 2019, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/პუტინის-ნაციონალისტური-ინტერაციონალის-მორიგი-კრაზი/30049984.html>.

2 "რუსეთი, საქართველო და იმპერიალიზმის ლაბირინთები: ინტერვიუ კოლეგებთან (Russia, Georgia and the Labyrinths of Imperialism: Interviews with Colleagues)," Radio Liberty, June 29, 2019, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/30026992.html>.

3 "შედეგა თუ არა საქართველოს ევროპული არჩევანი? (Has Georgia's European Choice Taken Place?)," Heinrich Böll Stiftung, Tbilisi Office, accessed January 15, 2021, <https://ge.boell.org/ka/2013/12/04/shedga-tu-ara-sakartvelos-evropuli-archevani>.

4 "საქართველო და მისი მომავალი ევროპაში (Georgia And Its Future In Europe)," Heinrich Böll Stiftung, Tbilisi Office, March 1, 2012, accessed January 15, 2021, <https://ge.boell.org/ka/2012/03/01/sakartvelo-da-misi-momavali-evropashi>.

5 Усманова 2003.

6 "უკრაინის ეკლესიის ბრძოლა დამოუკიდებლობისთვის (Ukrainian Church Struggle for Independence)," Radio Liberty, September 28, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/უკრაინის-ეკლესიის-ბრძოლა-დამოუკიდებლობისთვის/29515093.html>.

7 "აკაკიბაქრაძე – კაცი, რომელსაც ენდნენ (Akaki Bakradze – A Man Who Was Being Listened To)," Radio Liberty, March 29, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/akaki-bakradze/29132706.html>.

8 Колесник 2017.

полюсной Грузии»¹ как стране, где культурная элита постсоветской современности выбирает между Россией как советским прошлым и Европой как основой антисоветского будущего.

Европа, воспринимаемая одновременно как воображаемый конструкт и «наша историческая родина»², фактически стала ориентиром для значительной части грузинских интеллектуалов, которые были склонны описывать историю Грузии в категориях путешествия в Европу³, хотя некоторыми авторами и признается, что грузинскому обществу «еще очень далеко до подлинного европеизма»⁴. В современном политическом воображении грузинского интеллектуального сообщества Европа, с одной стороны, воспринимается как «скорее воображаемая реальность, чем географическая единица. Это воображаемая реальность, к которой наша политическая элита стремилась веками. Европа разнообразна, но чаще всего она связана с порядком, терпением, трудолюбием, настойчивостью, терпимостью и порядочностью. Именно сочетание этих ценностей часто определяется как «европейскость», и, наоборот, утверждается обратное, когда говорят, что мы – не-европейцы»⁵. Поэтому европеизм в современном грузинском интеллектуальном дискурсе сводится к формуле, включающей в себя три элемента: «европейская идентичность», «сущность европейского общества» и «природа европейской культуры»⁶.

Если Европа воспринимается как культурный и политический ориентир, то Россия – как прошлое, из которого следует бежать. Если Европа связывается с ценностями прав человека, то Россия ассоциируется с Востоком и авторитаризмом. России поэтому приписывается формирование и распространение искаженных образов Грузии как туристической «страны хачапури», а грузин – как «ленивых, небрежных и безответственных»⁷. Поэтому дихотомия «Европа – Россия» в грузинском политическом воображении стала общим местом, а сравнения и параллели, проводимые интеллектуалами, формируются под влиянием про-европейских симпатий и настроений, что автоматически актуализирует негативный образ России как универсального *Другого*.

Суммируя и конкретизируя особенности грузинской идентичности как европейской, грузинские интеллектуалы, начиная с М. Мамардашвили, выделяли несколько характеристик, которые определяли основные векторы и траектории развития европейского культурного канона. Для грузинской культуры характерны: историческая связь с европейской культурой; чувство политической ответственности; европейская идентичность не имеет возраста, она всегда

1 "F... you Russia და F... me Russia (F... you Russia and F... me Russia)," Liberal, June 27, 2019 accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/articles/view/45807/Fuck-you-Russia-da-Fuck-me-Russia>.

2 "დიდი გასიერნება ფრანკფურტში (The Great Walk in Frankfurt)," Liberal, November 13, 2018 accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/blogs/view/41017/didi-gaseirneba-frankfurtshi>.

3 "‘მოგზაურობაევროპაში’ – ტექსტისარქეოლოგიისმცდელობა ("Journey To Europe" – An Attempt At Text Archeology)," Arili, December 4, 2016, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/მალხაზ-ხარბელაია-მოგზა/>.

4 "ჰოპლა... მალე ევროპაში ვიქნებით! (Hopla... We Will Be In Europe Soon!)," Information-Analytical Agency "Iverion," July 2, 2014, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/5130-hopla-male-evropashi-viqnebeth.html>.

5 "ანა დოლიძე: ევროპა ჩვენს ეზოში (Europe In Our Yard)," European.ge., September 1, 2016, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/anna-dolidze-evropa-chvens-ezoshi>.

6 "ლალი ზაქარაძე – მერაბ მამარდაშვილი: ევროპული იდენტობის აღქმა – გზა თვითგამორკვევისკენ (Merab Mamardashvili: Perception of European Identity: The Road to Self-Determination)," Semiotics, January 12, 2011, accessed January 15, 2021, <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/01/09/ლალი-ზაქარაძე-მერაბ-მამა/>.

7 "ანა დოლიძე: ევროპა ჩვენს ეზოში."

находится в процессе рождения; европейская идентичность представляет собой синтез двух элементов – греко-римского мира и христианства, в частности Евангелия; для грузинских интеллектуалов европейская культура – первый и, возможно, окончательный ответ на вопрос о том, «можно ли изменить мир, можно ли освободить человека, лишенного свободы, возможно ли развить, поднять и реализовать совершенный идеал человека»; исторически усилия европейских авторов были направлены на реализацию человека, что стимулировало появление гражданского общества, воспринимаемого как необходимое условие для существования человека в истории; европеизм всегда означал готовность к культурному обновлению¹.

Анализируя европеизм современных грузинских интеллектуалов, следует принять во внимание, что в условиях гетерогенности грузинского интеллектуального сообщества одним из его вспомогательных языков наряду с западными остается и русский, что позволяет им ориентироваться в российском культурном дискурсе. Критикуя особенности и направления современной российской культуры, ряд грузинских авторов указывает на то, что в общественном мнении России активно продвигаются антиевропейские мифы и стереотипы, включая утверждение о том, что Европа является «гнездом разврата», где однополые браки стали обычным явлением. Признавая и эти особенности Европы, грузинские интеллектуалы все же склонны продвигать другую версию европеизма, полагая, что «европейская культура учит нас, как строить и защищать наше собственное государство, как строить гражданское общество, которое не позволяет правительству злоупотреблять коррупцией и служебным положением. Она учит нас тому, как любить свою страну»².

Грузинские интеллектуалы не только указывают на европейский выбор, но и стремятся доказать, что процессы исторического развития Грузии шли в рамках европейской модели. В частности, Г. Тигинашвили-Ивриспирели полагает, что в классической версии европеизм – это культурный код, основанный на «греческой философии, римском праве и христианской вере». Развивая это предположение и интегрируя культурный и исторический образ Грузии в европейские контексты, Г. Тигинашвили-Ивриспирели указывает на несколько факторов: если Европа является родиной философии, то грузинские авторы тоже внесли немалый вклад; если Европа – родина права, то грузинская традиция вполне сопоставима с европейской; если Европа – оплот христианства, то Грузия также вписана в историю церкви; если Европа – родина вина, то грузинские традиции виноделия сравнимы с греческими и римскими; если Европа – колыбель культуры, то грузинская культура была исторически сопричастна тем веяниям, которые влияли на европейские культурные традиции; если Европа – родина архитектуры, то грузинские заслуги в ее развитии сопоставимы с европейскими; если Европа – родина политического представительства и парламентаризма, то и в средневековой Грузии наблюдались аналогичные тенденции; если Европа – родина университетов, то грузинские университеты были не менее значимы,

1 “რატომ ევროპა? (Why Europe?),” Liberal, December 18, 2015, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/blogs/view/19954/ratom-evropa>.

2 “რატომ ევროპა? (Why Europe?).”

чем европейские; если Европа толерантна, то исторически грузины тоже очень терпимы; если Европа – родина морали и семьи, то в Грузии «многоженство и инцест никогда не были узаконены»; если Европа – регион с развитыми традициями боевого и военного искусства, то это предположение применимо и к Грузии; если Европа – родина кинематографа, то грузинское кино – явление европейского плана и уровня¹. Таким образом, современные грузинские интеллектуалы весьма активны в своих попытках интеграции собственной культурной, литературной и исторической идентичности в европейские пространства и контексты через последовательное конструирование собственного опыта как европейского или составной части более широкого, европейского, канона или проекта.

Трансплантация грузинских пространств культуры и идентичности в европейские контексты позволяет некоторым современным грузинским интеллектуалам настаивать на том, что «европейская культура – это наша основа и наше будущее»². При этом вера в Европу как коллективный Запад среди современных грузинских интеллектуалов неоднородна. Г. Эдзгверадзе, например, подчеркивает, что задача вырваться из советского мира представлялась важной для грузинской интеллигенции, но не все постсоветские грузинские интеллектуалы восприняли «Запад с его культурными и технологическими прелестями, гаджетами, небоскребами, [...] обаянием и привлекательностью»³ как основной побудительный мотив. Вера в европеизм унаследована современными грузинскими интеллектуалами от их исторических предшественников – советских грузинских интеллигентов, которые воспринимали Европу / Запад как один из идеалов, уничтоженных советизацией Грузии в начале 1920-х гг. Грузинская интеллектуальная и культурная ситуация в этом контексте примечательна и уникальна тем, что вера в нацию как сообщество граждан и Европу как ориентир стала следствием того, что социализация современных интеллектуалов в хронологическом плане совпала с «этноцентрическими уроками грузинского языка и истории»⁴, полученными ими в советский или ранний постсоветский период.

Однако современный грузинский европеизм в значительной степени отличался от тех проевропейских симпатий, которые в своих текстах выражали интеллектуалы в советский период: европейские симпатии в Грузинской ССР локализовались в сфере культуры, сравнительных историко-литературных исследований и не имели политического измерения, которое несколько ослабило культурные проевропейские симпатии интеллектуалов после распада СССР, когда политики стали активно выражать эти настроения, оставив интеллектуалам сферу культуры, истории и философии. Если перед элитами и интеллектуалами транзитных обществ стояли разные задачи по позиционированию страны и нации в мире⁵,

1 "რას ნიშნავს ნამდვილი ევროპელობა და რა დარჩა მისი იდენტობიდან (What Does True Europeanism Mean and What Is Left Of Its Identity)," News-Analytical Agency "Iverion," October 10, 2014, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/8167-ras-nishnavs-namdvili-evropeloba-da-ra-darcha-misi-identobidan.html>.

2 "საქართველო დანატოვებ საბჭოთა მეტასტაზებთან ბრძოლაში (I Will Leave Georgia In The Fight Against Soviet Metastases)," Liberal, August. 27, 2014, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/blogs/view/5962/saqartvelo-danatoveb-sabchota-metastazebtan-brdzolashi>.

3 "ლურჯა ცხენების ცისფერი ბილიკი (Blue Horse Blue Trail)," Liberal, August 3, 2016, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/blogs/view/24062/lurja-tskhenebis-tsisferi-biliki>.

4 "საშუალო სტატისტიკური ბიჭის სოციალიზაცია საქართველოში (Socialization of the Average Statistical Boy in Georgia)," Radio Liberty, March 13, 2017, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivce-nika-kutsniashvili-socializacia-sakartveloshi/28366207.html>.

5 Исхаков 2003.

то перед грузинскими интеллектуалами подобной задачи в независимой Грузии уже не стояло в силу того, что Европа / Запад стали «большими нарративами» в советской грузинской историографии. Они были вынуждены не «открывать», но «вспомнить» себя как европейцев. Если до распада СССР грузинский европеизм был формой национализма и проявлением политической протестности, соче-тавшейся с попытками выразить свое несогласие с доминирующими культурными практиками, то в 2010-е гг. европеизм в интеллектуальном дискурсе Грузии стал преимущественно политическим явлением, подвергшимся значительному воздействию конъюнктуры. Поэтому некоторые историки определяют подобные отношения между интеллектуалами и обществом, к которому они принадлежат, как «гипертрофированную идеологизацию»¹.

«Неевропейские европейцы»: сложности грузинской самолокализации в Европе

Именно европеизм, то есть склонность грузинских интеллектуалов картиро-вать и локализовывать Грузию в Европе принадлежит к числу факторов, с одной стороны, в значительной степени определяющих те векторы и траектории, в со-ответствии с которыми развивается грузинское сообщество интеллектуалов. С другой стороны, этот «путь в Европу» описывается грузинским интеллектуаль-ным сообществом как отягощенный определенными сложностями, связанными с негативной исторической динамикой (восточным влиянием), что и привело к вынужденному временному отрыву Грузии от Европы.

Г. Мехи в связи с этим, например, перечисляет ряд позитивных и негатив-ных факторов, описывающих эту динамику. С одной стороны, он указывает на значительную степень интернационализации грузинской культуры, наличие ди-аспор в Европе, первые книги, изданные в XVII в. на грузинском языке в Европе, а с другой – политику русификации, фактический запрет на использование грузин-ского языка, существенные ограничения на издание грузинской литературы в Российской империи, а также идеологический контроль советского периода, что ограничивало культурный обмен между Грузией и Европой². Поэтому во второй половине 2010-х гг. грузинские интеллектуалы, осознавшие затянувшуюся ситуа-цию *fin de siècle* и «сакрального времени»³ как кризиса стыка столетий, не были склонны идеализировать успехи страны на пути к демократии, признавая, что «постсоветская Грузия» в большей степени представляла собой «эмбриональ-ную / зародышевую демократию»⁴.

В этой интеллектуальной ситуации именно разочарование в политике ста-ло одним из импульсов роста культурного национализма, который стимулиро-вал попытки интеллектуалов локализовать Грузию в европейских контекстах и пространствах. Поэтому грузинские интеллигенты озабочены проблемами син-

1 Саганович 2010.

2 “კლანსგარეშე საკითხავი ლიტერატურა (Extracurricular Reading Literature),” european.ge, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/klansgareshe-sakitxavi-literatura/>.

3 “თემურ კობახიძე – მოგვთა მოგზაურობა საკრალურ დროში (The Journey of the Magi in Sacred Time),” Arili, June 22, 2010, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/თემურ-კობახიძე-მოგვთა-მო/>.

4 “თემურ კობახიძე – მოგვთა მოგზაურობა საკრალურ დროში (Zoon Politikon, Strokes For Eduard Shevardnadze's Portrait),” Arili, June 11, 2017, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/ემზარ-ჯგერენაია-zoon-politikon-შტრიხე/>.

теза картвельской идентичности грузин как нации и политических ценностей и принципов европейского интеграционного проекта.

Европейский выбор грузинских интеллектуалов отличается значительными особенностями. Если политики в Центральной Европе прежде всего стремились определить экономические и социальные последствия вступления в ЕС, то грузинские авторы склонны формулировать качественно и содержательно другие вопросы: «Что определяет грузинскую культурную самобытность?» и «Что общество подразумевает под словом “Европа”?»¹, – выдержанные в преимущественно этнической системе координат, то есть социально-экономические результаты и последствия европейского выбора для грузинских авторов менее значимы, чем культурного влияния интеграции на идентичность.

Комментируя ситуацию заинтересованности интеллектуалов в европейском выборе, который в общественном мнении нередко ассоциируется с факторами стабильности и безопасности², Г. Майсурадзе, предложивший в отношении грузин определение «неевропейские европейцы», подчеркивает, что именно благодаря самой разнообразной деятельности интеллектуалов, которые не только формировали положительный образ Грузии, но и активно переводили художественные тексты, продвигая и популяризируя грузинскую культуру на Западе, понимая, что там она практически неизвестна³. Другие авторы также указывают на то, что наряду со значительными проевропейскими симпатиями существуют и проблемы, связанные с объективными отличиями между Грузией и Европой. В частности, Г. Чипашвили полагает, что «хотя грузинская политика, правительство, неправительственный сектор, общественность и считают Грузию неотъемлемой частью Европы, мышление людей явно далеко от Европы и никогда не сможет стать европейским без значительных изменений»⁴.

Формула «неевропейские европейцы» успела стать общим местом в грузинской интеллектуальной традиции, популярным концептом среди авторов левой ориентации. Г. Мирианашвили, например, констатирует, что «только от того, что мы грузины, мы – неевропейцы», актуализируя тем самым сложности интеграции ценностей этничности в концепт «Европа». Кроме этого, сам европейский выбор грузинских интеллектуалов связан с коллективными фобиями, унаследованными от их советских предшественников. Современное грузинское общество, по мнению Г. Мирианашвили, «развивается в статике – без ценностей, солидарности, идентичности, но со страхами, что “Грузию отберут у нас”, “мы потеряем европейскость”»⁵. Б. Берекашвили, в свою очередь, воспринимает и определяет грузинский европеизм как симуляционный, или имитационный,

1 “თემურ კობახიძე – მოგვთა მოგზაურობა საკრალურ დროში (How To Cross The Sea To Europe? – State Strategy And Georgian Culture),” Heinrich Böll Stiftung, Tbilisi Office, November 25, 2009, accessed January 15, 2021, <https://ge.boell.org/ka/2009/11/25/rogor-gadavcurot-zgva-evropisaken-saxelmcpo-strategia-da-kartuli-kultura>.

2 “ევროკავშირის საგარეო და უსაფრთხოების პოლიტიკა (EU Foreign and Security Policy),” european.ge: European choice for Georgia, March 11, 2018, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/evrokavshiris-sagareo-da-usaftrxoebis-politika/>.

3 “ჩვენ, არაევროპელი ევროპელები (We, The Non-European Europeans),” Heinrich Böll Stiftung, Tbilisi Office, November 6, 2018, accessed January 15, 2021, <https://ge.boell.org/ka/2018/11/06/chven-araevropeli-evropelebi>.

4 “ჰამლეტ ჭიპაშვილი: არ ვართ ჩვენ ევროპელობის ღირსი! (We Are Not Worthy Of Europeaness!),” Information-Analytical Agency “Iverion,” February 16, 2017, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/16341-hamlet-tcipashvili-ar-varth-chven-evropelebis-ghirsi.html>.

5 “პროევროპული საზოგადოება ევროპული სოლიდარობისა და იდენტობის გარეშე (Pro-European Society Without European Solidarity And Identity),” european.ge: European choice for Georgia, November 23, 2017, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/proevropuli-sazogadoeba-evropuli-solidarobis-gareshe/>.

критикуя современную грузинскую политику за «подражание Европе в периферийном пространстве»¹.

Размышления З. Кикнадзе также вполне вписываются в концепцию Грузии как «неевропейской Европы». Анализируя особенности и противоречия европейской идеи в грузинской культурной и интеллектуальной традиции, З. Кикнадзе полагает, что «Европа как таковая даже не существовала в период расцвета восточных цивилизаций». Что касается культурной идентичности, то грузинская культура, как полагает З. Кикнадзе, «географически берет свое начало в Азии, но она никогда не была полностью восточной. Наивысшие достижения грузинской культуры базируются на европейских ценностях», а Ш. Руставели воспринимается им как выразитель именно «европейских ценностей». Понимая исторические сложности пути Грузии в Европу, З. Кикнадзе также вынужден констатировать, что «если Грузия – это Европа глазами Азии, то для европейцев она выглядит все же в большей степени как Азия»².

Атипичная европейскость: европейские нарративы современных грузинских интеллектуалов

В целом в современном интеллектуальном дискурсе Грузии доминирует гражданское или политическое прочтение и восприятие европеизма, соотносимого, как правило, с идеалами демократии³ и представленного конкретными или абстрактными идеями о европейском пути и европейских ценностях как ориентирах развития для грузинского государства. Что касается европейской идеи в грузинских национальных контекстах, Л. Латария не менее категорична, полагая, что стремление Грузии в Европу стабильно и политически мотивировано. В подобной системе координат современная европейская политика элит воспринимается в категориях «возвращения в Европу», а сама Европа позиционируется как культурная и политическая модель-образец⁴. Подобные нарративы о природном, естественном, неизбежном и почти примордиальном европеизме как грузинской идентичности, так и Грузии как государства, вероятно, можно воспринимать в качестве попытки легитимации европейской ориентации значительной части интеллектуалов, которым дебаты о грузинах как «неевропейских европейцах» кажутся чем-то излишним и избыточным.

Несмотря на то, что нарратив о грузинах как «неевропейских европейцах» оказался относительно устойчивым, интеллектуалы были активны и последовательны в своих попытках преодолеть этот социальный и культурный комплекс. Так, Н. Шошиашвили полагает, что учебники истории стали важными каналами европеизации как грузинской идентичности, так и исторической и культурной

1 “ბაჟარ ბერეკაშვილი: ევროპის იმიტაცია პერიფერიულ სივრცეში (Imitation Of Europe In The Peripheral Space),” european.ge: European choice for Georgia, May 29, 2017, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/evropis-imitacia-periferiul-sivrceshi/>.

2 “Europe in Asia or Asia in Europe?” Affinage, May 12, 2019, accessed January 15, 2021, <https://apinazhi.ge/journal/407--.html>.

3 “დემოკრატიის რაობა (The Essence of Democracy. Pros And Cons of Democracy),” News-Analytical Agency “Iverion,” November 30, 2014, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/9620-demokratiis-raoba.html>.

4 “ზურაბ კიკნაძე – ევროპა აზიაში თუ აზია ევროპაში? (Europeanism – Return To The Native Space),” Web portal “Intermedia,” July 11, 2014, accessed January 15, 2021, <http://intermedia.ge/52450-ევროპეიზმი-დაბრუნება-მშობლიურ-სივრცეში/20/>.

памяти. Анализируя учебники по истории начиная с 2000 г., Н. Шошиашвили¹ утверждает, что к концу первого десятилетия XXI в. они стали более европоцентричными. Поэтому в грузинском историческом воображении Европа символизирует идеи, принципы и ценности демократии, в то время как Россия отрицает их. В рамках подобной исторической концепции грузинская история воспринимается как часть европейской.

Атипичная европейскость грузинского проекта подчеркивается и другими интеллектуалами. Например, З. Махарадзе, конечно, признает близость между грузинами и европейцами, но также указывает на принципиальные исторически возникшие различия между ними, которые проявляются в первую очередь в религии. Грузинские интеллектуалы полагают, что, несмотря на некоторые общие особенности, «путь европейской цивилизации и путь грузинской нации были различны». Грузинскими авторами в качестве маркера грузинских и европейских особенностей в отношении к религии признается фактор французской революции, которая положила начало «эре современности». З. Махарадзе полагает, что основными и ключевыми особенностями европейского проекта стали «разрушение старых авторитетов, Бога и традиций, установление верховенства закона и прав человека», что отсутствовало в грузинской истории, где «не было никаких попыток усомниться в тирании... в сознании грузинского народа эпоха Давида и Тамары – золотой век». Поэтому, с точки зрения эксперта, грузинское общество более традиционно и, как результат, архаично² в своем отношении к соблюдению норм права.

Феномен «неевропейской европейской» идентичности связывается рядом авторов с факторами советского культурного, социального и политического наследия. Комментируя особенности развития грузинской идентичности в этом контексте, Н. Шошиашвили полагает, что в XX в. сложилась модель советской цивилизации, в которую относительно органично интегрировалась грузинская культура, которая позиционируется как в большей степени западная, нежели восточная³. В этом контексте в грузинском интеллектуальном дискурсе возникает еще один образ Грузии – потенциальной, или исторически не сложившейся, Европы и части европейского культурного пространства.

Подводя итоги статьи, следует принять во внимание ряд факторов, которые определяют основные векторы и траектории функционирования дихотомии «Европа – Россия» в современном интеллектуальном дискурсе Грузии.

Современный грузинский европеизм продолжает развивать проевропейские идеи советских грузинских интеллектуалов, делая это открыто не только в сфере культуры, но и декларируя европейский выбор в качестве политического.

1 “ნუკრი მომიაშვილი: რას ვასწავლით ევროპის შესახებ სკოლებში? (What Do We Teach About Europe In Schools),” european.ge: European choice for Georgia, December 24, 2016, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/nukri-shoshiashvili-rasvaswavit-evropis-shesaxeb-skolebshi/>.

2 “ზურა მახარაძე: სად გადის ზღვარი რელიგიასა და პოლიტიკას შორის? (Where Is The Line Between Religion And Politics?),” european.ge: European choice for Georgia, January 29, 2017, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/zura-maxaradze-sad-gadis-zgvari-religiasa-da-politikas-shoris/>.

3 “ნაციონალიზმი, რომელმაც კულტურული იდენტობის გარეშე დაგვტოვა (Nationalism, Which Left Us Without A Cultural Identity),” european.ge: European choice for Georgia, July 20, 2015, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/nukri-shoshiashvili-nacionalizm-ma-romelmac/>.

В то время как элиты других постсоветских государств были озабочены тем, как и каким образом представить свои нации в европейских контекстах, то перед грузинскими интеллектуалами не стояло подобной задачи в независимой Грузии: Европа / Запад стали «большими нарративами» уже в советской грузинской историографии, а Россия планомерно воображалась как универсальный *Другой* на протяжении 1990–2000-х гг.

Если до распада СССР грузинский европеизм был формой преимущественно культурного национализма и проявлением политической протестности, сочетавшейся с попытками выразить свое несогласие с доминирующими культурными практиками, то в 2010-е гг. данный тренд в интеллектуальном дискурсе Грузии стал политическим явлением, подвергшись значительному воздействию со стороны идеологической конъюнктуры, подкрепленной социально-экономическими кризисами и военными неудачами 1990–2000-х гг. Несмотря на эти явные неудачи, Грузия формально смогла институционализировать свои отношения с ЕС в форме ассоциации, что, правда, не приблизило ее к реальному присоединению к этому интеграционному блоку. Отсутствие реальных достижений в европейской интеграции, за исключением безвизового режима, стимулирует развитие интеллектуальной рефлексии грузинских гуманитариев, вынуждая их продвигать образ Грузии как европейской страны, проецируя на ее историю, культуру, литературу и идентичность воображаемые атрибуты не менее условной «европейскости», которая в ближайшей хронологической перспективе будет оставаться одним из центральных нарративов грузинского национализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Айвазян, А. Грузия: внешняя политика малого государства // Современная Европа. – 2020. – № 1. – С. 80–90 [Ayvazyan, A. "Georgia: Foreign Policy of a Small State" [Gruzia: vneshnyaya politika malogo gosudarstva] *Modern Europe*, no. 1 (2020): 80–90] [In Russian].

Айвазян, А. Политика ЕС в странах Южного Кавказа: пересмотр политики соседства // Современная Европа. – 2016. – № 4. – С. 47–56. [Ayvazyan, A. "EU policy in the South Caucasus: revising the neighborhood policy" [Politika ES v stranakh Yuzhnogo Kavkaza: peresmotr politiki sosedstva] *Modern Europe*, no. 4 (2016): 47–56] [In Russian].

Болгова, И. «Восточное партнёрство»: неоднозначные результаты // Современная Европа. – 2016. – № 6. – С. 63–71. [Bolgova, I. "Eastern Partnership": ambiguous results ["Vostochnoe partnerstvo": neodnoznachnyye rezul'taty] *Modern Europe*, no. 6 (2016): 63–71] [In Russian].

Исхаков, С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 273–295. [Iskhakov, S. "History of the peoples of the Volga region and the Urals: problems and prospects of 'nationalization'" ["Istoriya narodov Povolzh'ya i Urala: problemy i perspektivy 'natsionalizatsii'"]. In *National Histories In The Soviet And Post-Soviet States*, edited by K. Aymermacher, and

G. Bordyugov, 273–295. Moscow: Friedrich Naumann. Foundation, 2003] [In Russian].

Кирчанов, М.В. Грузинские интеллектуалы: профиль сообщества // Российский журнал исследований национализма. – 2020. – № 1. – С. 58–102. [Kirchanov, M.V. "Georgian Intellectuals: Community Profile" [Gruzinskiye intellektualy: profil' soobshchestva]. *Russian Journal of Nationalism Studies*, no. 1 (2020): 58–102] [In Russian].

Концов, Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 57–93. [Koposov, N. "Historical Concepts In A World Without A Future" [Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego] In *How We Write History*, edited by G. Garretta, G. Dufout, L. Pimenova, 57–93. Moscow: ROSSPEN, 2013] [In Russian].

Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 94–125. [Krom, M. "The use of concepts in research on the history of pre-Petrine Russia: a change in milestone sand new landmarks" [Ispol'zovaniye ponyatiy v issledovaniyakh po istorii dopetrovskoy Rusi: smena vekh i novyye oriyentiry]. In *How We Write History*, edited by G. Garretta, G. Dufout, L. Pimenova, 94–125. Moscow: ROSSPEN, 2013] [In Russian].

Кушко, А., Таки, В. "Кто мы?" Историографический выбор: румынская нация или молдавская

государственность // *Ab Imperio*. – 2003 – № 1. – С. 485–495. [Cusco, A., Taki, V. "Who Are We?" Historiographic Choice: The Romanian Nation Or The Moldovan Statehood" ["Kto my?" Istoriograficheskiy vybor: rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost'] *Ab Imperio*, no. 1 (2003): 485–495] [In Russian].

Сихарулидзе, А. Россия как фактор внутренней политики Грузии // Центральная Евразия. – 2019. – № 1. – С. 135–153. [Sikharulidze, A. "Russia as a Factor in Georgia's Domestic Policy." [Rossiya kak factor vnutrennei politiki Gruzii] *Central Asia*, no. 1 (2019): 135–153] [In Russian].

Усманова, Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. – 2003. – № 3. – С. 337–360. [Usmanova, D. "Creating the National History of the Tatars: Historiographic and Intellectual Debates at the Turn of the Century" [Sozdavaya natsional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskiye i intellektual'nyye debaty na rubezhe vekov] *Ab Imperio*, no. 3 (2003): 337–360] [In Russian].

Колесник, І. "Український Історик І Влада: Від Примусу До Партнерства" [Ukrainian Historian And Government: From Coercion To Partnership] *Ейдос*, no. 9 (2017): 9–24 [In Ukrainian].

Ластоўскі, А. "Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка" [Studying the communist past in Slovakia: the main factors and dynamics]. *Палітычная сфера*, no. 24 (2016): 37–55 [In Belarusian].

Сагановіч, Г. "Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках яе гісторыкаў" [Belarusian historiography in the assessments of its historians]. *Беларускі Гістарычны Агляд* 17, no. 1–2 (2010): 225–229 [In Belarusian].

Сагановіч, Г. "Таненберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі" [Tannenberg / Grunwald / Dubrovno 1410: symbolization of the battle in Belarus]. *Беларускі Гістарычны Агляд* 17, no. 1–2 (2010): 89–116 [In Belarusian].

დავითაშვილი, ზ. ნაციონალიზმი დე გლობალიზაცია [Nationalism and Globalization]. Tbilisi: Metsniereba, 2003 [In Georgian].

იდენტობა და ნაციონალიზმი [Identity and Nationalism], edited by თ. ჯარელი. Tbilisi: Akhali Azri, 2009 [In Georgian].

მალაფერძე, თ. მარადიანყოფი: ნარკვევები ქართულ მწერლობასა და ინტელიგენციაზე [Eternal Present: Essays on Georgian Literature and the Intelligence], edited by რ. სირაძე. Tbilisi: Universal, 2005 [In Georgian].

სახელმწიფოებრიობა და უსაფრთხოება: საქართველო "ვარდების რევოლუციის" შემდეგ [Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution], edited by ბ. კოპიტერსის, რ. ლევკოვლის. Tbilisi: American Acad. Peace, Democracy and Development. Kavk. In-ti, 2006 [In Georgian].

ქართული და ევროპული იდენტობის საკითხები [Issues of Georgian and European Identity], edited by ქ. კაკიტელაშვილი. Tbilisi, 2012 [In Georgian].

შუბითიძე, ვ. ევროპეიზაცია და ქართული პოლიტიკური აზროვნება (საქართველოს ევროპული იდენტობა) [Europeanization and Georgian Political Thinking (Georgia's European Identity)]. Tbilisi: Tech. Un-ti, 2013 [In Georgian].

ჩხაიძე, ი. ნაციონალიზმის მოდერნისტული თეორია და ქართული ნაციონალური პროექტი ("თერგდალულები") [The Modernist Theory of Nationalism and the Georgian National Project ("Tergdaleuli")], edited by ბ. ჩიჭვაძე. Tbilisi: Akhali Azri, 2009 [In Georgian].

Chitaladze, A., and T. Grigoryan. "Understanding Europeanization in Georgia and Armenia-Discourses, Perceptions and the Impact on Bilateral Relations." *Analytical Bulletin* 8, (2015): 29–54.

Coakley, John. "Mobilizing Past: Nationalist Images of History." *Nationalism and Ethnic Politics* 10, no. 4 (2004): 531–560.

Delcour, Laure. "Armenia's and Georgia's Contrasted Positioning Vis-à-Vis the EU: Between Vocal Centrality and Strategic Marginality." *Journal of Contemporary European Studies* 27, no. 4 (October 2, 2019): 439–50. doi:10.1080/14782804.2019.1608815.

Kabachnik, Peter. "The Power of Place, or Powerless Places? Hybrid Attitudes towards Soviet Symbols in Post-Soviet Georgia." *Central Asian Survey* 37, no. 2 (April 3, 2018): 265–85. doi:10.1080/02634937.2018.1442320.

Kirchanov, Maxim. "'Europe' and 'the West' in Georgia's political imagination and nationalist discourse." *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies* 11, no. 2 (2010): 158–167.

Kovtiak, Elisabeth. "A Bridge to the Past: Public Memory and Nostalgia for the Communist Times in Modern Georgia." *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics* 12, no. 1 (July 30, 2018): 31–51. doi:10.2478/jnmlp-2018-0005.

Kyrchanoff, Maxim W. "Caucasian Prisoners, Or How Georgian Intellectuals Invent Traditions And (Re) Produce Meanings." *Journal of Frontier Studies* 5, no. 3 (2020): 72–114.

Martínez, Francisco. "To Whom Does History Belong?" *Anthropological Journal of European Cultures* 26, no. 1 (March 1, 2017): 98–127. doi:10.3167/ajec.2017.260106.

Metreveli, Tornike. "An Undisclosed Story of Roses: Church, State, and Nation in Contemporary Georgia." *Nationalities Papers* 44, no. 5 (September 20, 2016): 694–712. doi:10.1080/00905992.2016.1200021.

Beacháin, Donnacha Ó, and Frederik Coene. "Go West: Georgia's European Identity and Its Role in Domestic Politics and Foreign Policy Objectives." *Nationalities Papers* 42, no. 6 (November 20, 2014): 923–41. doi:10.1080/00905992.2014.953466.

Said, Edward W. *Orientalism*. NY.: Pantheon Books, 1978.

Shatirishvili, Zaza. "National Narratives and New Politics of Memory in Georgia." *Small Wars & Insurgencies* 20, no. 2 (June 2009): 391–99. doi:10.1080/09592310902975513.

Sikharulidze, A. T. "Georgia Beyond 'Radical Europeaness': Undiscovered Directions of Foreign Policy." *Journal of International Analytics* 11, no. 2 (November 7, 2020): 91–108. doi:10.46272/2587-8476-2020-11-2-91-108.

Tsuladze, Lia. "On Europeanisation, National Sentiments and Confused Identities in Georgia." *Communist and Post-Communist Studies* 50, no. 2 (June 1, 2017): 125–33. doi:10.1016/j.postcomstud.2017.05.003.

Сведения об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов,

д.ист.н., доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета
международных отношений,

Воронежский государственный университет,

Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская площадь, 1.

ORCID: 0000-0003-3819-3103

e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 января 2021. Принята к публикации: 21 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кирчанов, М.В. Дихотомия «Европа – Россия» как изобретенная традиция современного грузинского национализма // *Международная аналитика*. – 2021. – Том 12 (1). – С. 35–54.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-35-54>

The “Europe – Russia” Dichotomy as an Invented Tradition of Modern Georgian Nationalism

ABSTRACT

In the article, the author analyzes the transformation of the dichotomy “Europe – Russia” in contemporary Georgian intellectual discourse as well as strategies and forms of positive and negative ideologization of the West and Russia. We state that the hypertrophied role of European and Russian images in the Georgian discourse has resulted from the belief of elites in the collective West as an alternative to Russian influence. We analyze the main strategies of forming a positive image of Europe in Georgian intellectual discourse, believing that the development of European motifs and images by several generations of Georgian intellectuals led to the emergence of a unique Georgian Europeanism and the concept of the “Non Typical European” Georgian nation. The development of European images depends on the formation and promotion of the image of Russia as a universal Other. It is assumed that the negative mythologization of Russia resulted from the historical trauma of the loss of statehood, Georgia’s forced history in the Russian Empire and the USSR, as well as the failures in the Russian-Georgian relations in the post-Soviet period. Overall, the author believes that Russian and European narratives have become invented traditions of Georgian identity that influence the strategies of elites in Georgian foreign policy.

KEYWORDS

Georgia, nationalism, intellectuals, identity, “Non Typical Europeaness”, political imagination, West, Europe, Russia

Author

Maksym W. Kyrchanov,

PhD in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries
Economies, Faculty of International Relations,
Voronezh State University,
1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-3819-3103

e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Additional information

Received: January 30, 2021. Accepted: April 21, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kyrchanov, Maksym W. “The ‘Europe – Russia’ Dichotomy as an Invented Tradition of Modern Georgian Nationalism.” *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 35–54.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-35-54>